

Несмотря на малое количество работ о колористике, особенно на древнеславянском материале,³ именно памятники художественной литературы, как известно, некогда вызвали к жизни так называемую «историко-филологическую» теорию цветного видения человека. Сначала Гладстон, а за ним Г. Магнус и другие справедливо отметили, что у Гомера, в Ветхом завете и Ведах не различаются синий и зеленый цвета, и интерпретировали это и подобные явления как аномалию (или зачаточный этап) цветового видения.⁴ Г. Магнус сконструировал пять стадий развития цветовых ощущений у человека: монохроматическая; различие красного от ахроматических (цветовой ряд от белого до черного); выделение зеленого (синий еще смешивается с черным); наконец, выделение синего, четкое разграничение четырех главных цветов.

Эта концепция была немедленно оспорена;⁵ кстати, ее создатель сам вынужден был пойти на существенные коррективы. «В настоящее время может считаться общепринятым взгляд, что нормальное цветовое зрение является присущим всему человеческому роду без различия рас, всегда и всюду общеврожденным и в одинаковой мере развитым свойством и что поэтому все ... люди обладают полностью однородным цветовым восприятием и всегда обладали им».⁶

«Неувязки» с цветом у Гомера и в других древних текстах объясняются диспропорцией между языком и реальными возможностями человеческого глаза. Синий и зеленый, а также синий и черный цвета обозначаются одним словом не только у древних, «примитивных», но и у новых народов, когда экспериментальным путем легко устанавливается нормальность цветового зрения. На фарси «к'ябуд» — «зеленый», «голубой», «синий», а также иногда и «черный» (у персидского поэта XII в. Манучери эпитетом «к'ябуд» обозначен цвет траура). Часто в этом случае указывается на древнерусское сравнение «синя как сажа», на сущ. «синьць» — «эфиоп», «дьявол». Ср. в Житии Прокопия Устюжского: «А на шей стране видех много множество темныя силы демонов, видемены черны и сини».⁷ В былинах наряду с обычным «черным вороном» встречаем и такой вариант: «Он увидел на дубу синя ворона». Сюда же следует отнести и «синь порох». Сложнее обстоит дело со знаменитыми «синими молниями» «Слова о полку Игореве», которые, может быть, возникли из слова «силнии» с выносным «л», хотя как будто в тексте «Слова», которым пользовался автор «Задонщины», также читался эпитет «синии». Может быть, это место стоит толковать как «черные молнии», памятуя об известном оптическом эффекте? Или привлекать к ком-

³ См., например: А. Н. Веселовский, Собр. соч., т. I, СПб., 1913, стр. 58—85 («Из истории эпитета»); А. А. Потебня. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914; П. Первов. Эпитеты в русских былинах. — Филологические записки, вып. 1—2. Воронеж, 1901, стр. 1—8; А. П. Евгеньева. О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII—XIX вв. (постоянный эпитет). — ТОДРА, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 154—189.

⁴ См.: H. Magnus. Untersuchungen über der Farbens in der Naturvölker. Leipzig, 1880.

⁵ Ср.: Ф. Ф. Петрушевский. Цветовые ощущения древних и новых народов. — Вестник изящных искусств, т. VII, вып. 4, СПб., 1889.

⁶ H. Podesta. Physiologische Farbenlehre. 1922. Цитирую по статье: Ф. Н. Шемьякин. К вопросу об отношении слова и наглядного образа (цвет и его названия). — Известия Академии педагогических наук, вып. 113, Мышление и речь, Труды Института психологии. М., 1960, стр. 34. Более того, выяснено, что у шимпанзе такое же, как у человека, цветовое зрение (Н. Н. Ладыгина-Котс. Познавательные способности шимпанзе. М.—Л., 1923).

⁷ Житие преподобного Прокопия Устюжского. — ОЛДП, № 103. СПб., 1893, стр. 188.